

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ БУРЖУАЗНОЙ РЕВОЛЮЦИИ В ЯПОНИИ

Вопрос об оценке событий 1867—1868 гг., в результате которых в Японии быстрыми темпами стал развиваться капитализм, — один из важнейших и труднейших вопросов историографии Японии.

В советском японоведении эти события рассматриваются как незаконченная буржуазная революция.

Японские историки, в том числе и прогрессивные, в большинстве своем отрицают, что в Японии в конце 60-х годов XIX в. произошла буржуазная революция. Правда, в последнее время они сами приводят новый богатый материал о росте в эти годы революционного движения крестьян и городских низов, однако утверждают, что в силу недостаточной организованности и низкой политической сознательности революционно настроенных масс феодальным кругам и связанной с ними крупной буржуазии удалось предотвратить революцию и провести верхушечные преобразования¹.

В настоящей статье, не подвергая анализу события 1867—1868 гг., мы хотели бы лишь остановиться на освещении некоторых их предпосылок. Хотя материалов, характеризующих социально-экономические процессы в Японии в первой половине XIX в., еще далеко не достаточно для окончательных выводов, тем не менее на основании имеющихся данных можно судить о наличии в этой стране во второй половине 60-х годов революционной ситуации, приведшей к революционному перевороту.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ РЕВОЛЮЦИИ 1868 г.

По уровню экономического развития Япония в середине XIX в. существенно отставала от многих европейских стран

¹ См.: 遠山茂樹, 明治維新, 東京, 1954, 21頁; 日本文化史大系, 第十卷, 東京, 1956, 166-170頁 (далее — «Очерки по истории японской культуры»); Иноуэ Киёси и др., История современной Японии, пер. с яп., М., 1955, стр. 89—92.

и США². В значительной мере это объясняется ее длительной изоляцией. Лишь с 50-х годов в Японии стали появляться первые фабрично-заводские предприятия, прежде всего в металлообрабатывающей, военной, судостроительной, а затем и шелкомотальной промышленности³.

Таких предприятий было немного, и они не могли еще оказать существенного влияния на экономику страны. Тем не менее сам факт появления фабрично-заводских предприятий в отсталой стране с господствующими феодальными производственными отношениями не мог не усилить кризиса этого строя.

По вопросу о развитии в тот период в Японии капиталистической мануфактуры мы располагаем лишь самыми скучными данными. В японской литературе в 30-х годах нашего столетия видный прогрессивный ученый Хаттори Сисо выступил с утверждением, что в 30-х годах XIX в. (годы Тэмпо) Япония вступила в мануфактурную стадию капитализма⁴. Это его утверждение расходится с традиционной точкой зрения японской буржуазной историографии, утверждавшей, что капитализм был внесен в Японию извне, что никакого капиталистического производства до установления сношений с Западом в Японии не было. Однако точка зрения Хаттори далеко еще не получила признания даже среди прогрессивных японских историков. Большинство из них ищет истоки капитализма не в городе, а в деревне, в классовом расслоении крестьянства, в использовании там наемной рабочей силы, в рассеянной мануфактуре и т. п.

Имеющиеся немногочисленные данные о мануфактуре относятся как к частнокапиталистической мануфактуре, так

² Например, в России к 1854 г. число промышленных предприятий, по данным официальной статистики, составило около 10 тыс. Предприятий с числом рабочих не менее 16 во второй половине 50-х годов насчитывалось около 2,8 тыс. (см.: «История СССР», под ред. М. В. Нечкиной, т. II, М., 1954, стр. 12). В Японии в 1853 г. было 309 мануфактурных предприятий (данные о численности рабочих отсутствуют).

³ До открытия страны (в 1854 г.) была построена отражательная печь в княжестве Сага (на Кюсю). Постройка этой печи была вызвана необходимостью изготовления пушек для обороны Нагасаки. В последующие годы предприятия по производству вооружения стали строить, помимо Сага, в Мито, Сацума и других княжествах, а также во владениях сёгуната. В Сацума на новых предприятиях этого типа в 1858 г. было занято около 1200 рабочих [井上清, 日本の軍國主義, 第一卷, 東京, 1954, 39頁 (далее — Иноуэ Киёси, Японский милитаризм); Th. Smith. *Political change and industrial development in Japan: government enterprise, 1868—1880*, Stanford, 1955, p. 4—5; см. также ст.: Д. В. Петров, К вопросу о мануфактуре в Японии («Ученые записки Института востоковедения АН СССР», т. XV, М., 1956, стр. 63—66)].

⁴ См.: 遠山茂樹, 佐藤進一, 日本史研究入門, 東京, 1954, 217頁.

и к мануфактуре феодала (сёгунской или княжеской). Последняя по своему типу (хотя и с некоторыми отличиями) приближается к русской вотчинной или казенной мануфактуре.

Всего, по данным японской литературы в 1853 г., т. е. к началу интервенции США, в Японии насчитывалось 309 мануфактур (шелкомотальных, ткацких, гончарных, винокуренных и др.). Из них в XVI в. возникло 5, в XVII в. — 33, в XVIII в. — 90, в первой половине XIX в. (1794—1853) — 181. При всей недостаточности этих данных быстрое нарастание темпов развития мануфактур не вызывает сомнений; в первой половине XIX в. было создано более половины всех перечисленных мануфактур, а за одно лишь десятилетие 1844—1853 гг. их возникло почти в два раза больше, чем за каждое из предшествующих десятилетий того же века: в 1794—1803 гг. было основано 18 мануфактур, в 1804—1813 гг. — 27, в 1814—1823 гг. — 30, в 1824—1833 гг. — 29, в 1834—1843 гг. — 25, а в 1844—1853 гг. — 52 мануфактуры.

Развитию мануфактурного производства препятствовала установленная токугавскими властями еще в XVII в. и значительно усиленная в последующее время система феодальных ограничений: прикрепление крестьян к земле, периодически повторявшиеся чистки городов от пришлых крестьян, запрет самураям заниматься какой-либо производительной или коммерческой деятельностью, монополии сёгуна и даймё на наиболее выгодные отрасли производства (добыча золота, серебра, меди, соли, изготовление бумаги и др.), существование цеховых и гильдейских организаций и т. д.

Несмотря на все ограничения, количество мануфактур продолжало расти. Правда, среди них главную роль играли мануфактуры, принадлежавшие феодалам. Но последние все больше втягивались в товарно-денежные отношения, их предприятия все более приобретали капиталистические черты. Однако, с другой стороны, монополия сёгуна или даймё в отдельных отраслях хозяйства в значительной мере ограничивала частную инициативу, а это усиливало недовольство буржуазии существующими порядками.

Повсеместное развитие уже с начала XVIII в. получила рассеянная мануфактура — домашние крестьянские промыслы, подчиненные торговцу. Это отмечается почти всеми японскими авторами и не вызывает никаких сомнений. Специализация отдельных районов по производству различных технических культур четко определилась уже в XVI—XVII вв. С того же времени отмечается широкое развитие обмена, тор-

говли между различными районами страны. Особенно значителен был привоз товаров из провинций в три главных города — Осака, Эдо и Киото.

Удельный вес городского населения Японии в конце XVIII—первой половине XIX в. был весьма значителен: оно составляло 18—20% всего населения страны. Это объясняется прежде всего тем, что в городах проживало почти все самурайство, численность которого (с семьями) составляла более 2 млн. человек, или около 7% всего населения. Их четасть насчитывала 1 млн. человек. В городах же жило большое число торговцев, ремесленников, беглых крестьян и т. д.

В годы голода усиливалось бегство крестьян из деревни в город. Население деревни существенно сокращалось, в то время как население городов постепенно увеличивалось, хотя бежавших из деревни крестьян часто силой возвращали обратно.

Городов, точнее городских поселений, было около 300; каждый князь стремился превратить свой феодальный замок, где он жил вместе со свитой, в поселение городского типа, привлекая в него торговцев и ремесленников.

В то время как промышленное производство и торговля хотя и медленно, но неуклонно росли, основная отрасль народного хозяйства феодальной Японии, земледелие, переживала глубокий кризис. Если в XVII в. отмечался значительный рост посевной площади и сборов риса, то в XVIII и первой половине XIX в. посевная площадь оставалась почти без изменений на уровне около 3 млн. тё, а сбор зерна — около 30 млн. коку⁵.

Токугавские власти считали производство риса основой народного хозяйства. Все ценностные исчисления в стране производились в коку риса; владения князей и земельные наделы крестьян оценивались не по размерам их территории, а по количеству собираемого с них риса.

Рис считался феодальными властями самой ценной культурой; поэтому было резко ограничено потребление риса крестьянами, налоговые поступления феодалы стремились собирать главным образом рисом. Самурайство получало от своих феодалов жалованье в виде рисового пайка. Рис рассматривался всем классом феодалов как основа его материального благополучия: вся богатая экономическая литература XVIII — середины XIX в. полна высказываний такого рода⁶.

⁵ 大日本租稅史, 第二卷, 東京, 昭和二年, 248, 267, 283頁。—30 млн. коку риса — около 4,5 млн. т.

⁶ См.: Honjo Eijiro, *Economic thought in the later period of the Tokugawa Era* («Kyoto university economic review», 1940, April, October).

- Высокие цены на рис считались благом для дворянства, низкие цены приводили к его разорению.

Однако постепенно наряду с рисом стали появляться и другие товарные культуры (шелк, хлопчатник, сахарный тростник, чай, табак и др.), иногда даже более выгодные, чем рис. Эти культуры постепенно занимали всё большие площади. В то время как обрабатываемая площадь на протяжении XVIII и первой половины XIX в. оставалась стабильной, сборы шелка-сырца и площадь под тутовыми деревьями увеличились почти в четыре раза⁷. Хлопок и другие культуры в некоторых районах, особенно близ Осака, заняли большую площадь, чем рис⁸.

Несмотря на некоторое развитие упомянутых выше товарных культур, все земледелие в целом переживало длительный, все более и более усиливающийся кризис. Прекращение роста обрабатываемой площади, частые неурожаи и чрезмерное налогообложение привели к хроническим голодовкам, массовому бегству крестьян из деревни, абсолютному сокращению крестьянского населения, в значительной степени в результате широко практиковавшегося детоубийства (мабики), и к росту крестьянского сопротивления.

Массовое голодание и детоубийство были главными причинами почти полного прекращения роста населения. С 1726 по 1846 г., т. е. за 120 лет, численность населения Японии, согласно переписям, увеличилась всего на 1,35%. Это значит, что в год прирост составлял примерно 0,01%⁹.

Фактически можно говорить о прекращении роста населения Японии в этот период — явлении, которого мы не наблюдаем не только ни в одной из стран Европы, но и в других странах Азии. Это дает основание высказать предположение, которое, конечно, требует дальнейшего подтверждения, что кризис феодализма в Японии в конце XVIII — первой половине XIX в. был глубже, чем в других странах Азии.

Кризис феодальной деревни сопровождался невиданным гнетом и произволом феодалов, торговцев, ростовщиков, жесточайшей эксплуатацией крестьянских масс. Кризис вызвал глубокие процессы классового расслоения в деревне. С од-

⁷ 羽仁五郎, 幕末に於ける社會經濟狀態階級關係及び階級鬭爭, 東京, 昭和七年, 11頁.

⁸ «Рэкиси хёрон» (歷中學論), 1955, № 69, стр. 6.

⁹ В токугавских переписях, проводившихся с 1726 г., учитывалось не все население: в них не включалось самурайство, а также те слои населения, которые не были причислены властями к четырем сословиям тогдашнего общества (самураи, крестьяне, ремесленники, торговцы), а именно: актеры, нищие, эта (парии) и др. (新日本歴史, 第四卷, 湘京, 1954, 192頁)

ной стороны, в деревне увеличился слой крестьян-богатеев, которые наряду с торговцами и ростовщиками превращались в так называемых «новых помещиков» (син-дзинуси) или «паразитических помещиков» (кисэй-дзинуси)¹⁰. Эти помещики концентрировали в своих руках, легальным и нелегальным путем, значительную часть обрабатываемой площади (от 20 до 30% по различным подсчетам) и эксплуатировали крестьян совместно с крупными феодалами (даймё). С другой стороны, многие крестьяне теряли целиком или частично свои земельные наделы, заложенные деревенским богатеям и ростовщикам, и превращались либо в арендаторов, плативших ренту и даймё и помещику, либо в малоземельных крестьян, имевших ничтожные наделы в 1—3 тана¹¹, либо в батраков. Многие крестьяне в результате потери земли совсем уходили из деревни.

Японский историк Сёдзи Ёсиносекэ¹², анализируя расслоение крестьянства в двух уездах (Синобу и Датэ) современной префектуры Фукусима (север Хонсю), приходит к выводу о наличии к середине XIX в. четырех слоев крестьянства: «пролетариев», бедных, средних и богатых крестьян (к последним он причисляет и помещиков)¹³.

К «пролетариям» он относит тех крестьян, которые не были внесены в земельные переписи (кэнти), проводившиеся в конце XVI и в XVII в. Такие крестьяне либо вовсе не имели земельного надела (а иногда даже собственного жилища в деревне), либо имели ничтожные клочки неорошаемой земли (1—2 тана, а часто и еще меньше). Они работали поденно или помесячно у состоятельных крестьян, на горных рудниках, грузчиками и т. д.

К бедным Сёдзи причисляет таких крестьян, которые имели незначительные участки орошаемой земли, но собственно риса у них оставалось после оплаты ренты-налога едва на один-два месяца. Для покупки риса на пропитание они продавали всё, что собирали со своих участков (разумеется, кроме риса): шелк-сырец, коноплю, а также продукты скотоводства, пряжу, ткань — и подобно «пролетариям» нанимались на работу к более состоятельным крестьянам.

Средними автор называет таких крестьян, которым соб-

¹⁰ Паразитическим помещиком в Японии называется помещик, который не ведет самостоятельного хозяйства, а сдает все свое земельное владение мелкими участками в аренду.

¹¹ Тан равен 0,1 тё. т. е. 0,09 га.

¹² 庄司吉之助, 明治維新の經濟構造. 東京, 1954 (далее — Сёдзи Ёсиносекэ, Экономическая структура в период преобразований Мэйдзи).

¹³ Там же, стр. 8—9.— Сёдзи называет и более мелкие категории, выделяя, в частности, в самостоятельную группу помещиков.

ственного риса хватало на три месяца; на остальное время они также вынуждены были его покупать, но уже располагали средствами для этого, реализуя другие доходы от своих участков и не нуждаясь в том, чтобы работать в качестве наемных рабочих.

Наконец, богатые крестьяне, по классификации Сёдзи, имели собственного риса на целый год¹⁴.

Автор считает, что такие же слои крестьянства можно выделить и в других районах.

По приведенным автором выборочным данным, в деревнях префектуры Фукусима в середине XIX в. тутоводством и разведением муги¹⁵ занимались главным образом бедные крестьяне, у которых было значительно больше суходольных, чем орошаемых, полей.

Сёдзи Есиноскэ, как и другие японские историки, пишет о применении наемного труда в японской деревне в середине XIX в.

Глубокий экономический кризис в японской деревне не мог найти разрешения при существующем социально-экономическом строе. С одной стороны, обнищание подавляющей массы крестьянства, владевшей ничтожными земельными наделами, к середине XIX в. стало катастрофическим. С другой стороны, верхушка деревни не желала мириться с тем, что ее земельные права не закреплены в законодательном порядке, что она вынуждена делиться своими доходами от ограбления крестьян с крупными феодалами, а ее предпринимательская деятельность стеснена различными ограничениями.

В такой обстановке сёгунат был вынужден под угрозой американских пушек открыть страну для внешней торговли на неравноправных, кабальных условиях. Япония, до этого изолированная от всего мира в течение двух с лишним столетий, когда шла лишь чрезвычайно ограниченная и почти не влиявшая на ее экономику торговля с Голландией и Китаем, оказалась перед необходимостью приспособиться к совершенно новым для нее экономическим отношениям.

В течение девяти лет (с 1859 по 1867) обороты внешней торговли выросли с 1,4 млн. иен до 22,8 млн. иен, или в 16 раз¹⁶. Япония стала импортировать в больших количествах иностранные шерстяные и хлопчатобумажные ткани и пряжу, что подрывало домашнюю крестьянскую промышленность и усиливало разорение крестьян и ремесленников. Бы-

¹⁴ Сёдзи Есиноскэ, *Экономическая структура в период преобразований Мэйдзи*, стр. 9—10.

¹⁵ См. прим. 1 на стр. 67.

¹⁶ «Очерки по истории японской культуры», т. 11, стр. 87.

стро рос экспорт японского шелка-сырца, чая, а в годы гражданской войны в США (1861—1865) — и хлопка. На этой торговле наживались в первую очередь иностранные купцы, а также японские торговцы и деревенская верхушка. Появилось значительное количество новых шелкомотальных и других мануфактур, а также военных, судостроительных и прочих предприятий¹⁷. Однако многие мануфактуры по производству шелковой и хлопчатобумажной пряжи и тканей переживали серьезный кризис вследствие недостатка сырья (шелка-сырца, хлопка), вывозившегося за границу, повышенного ввоза пряжи и тканей из-за границы¹⁸.

Пользуясь тем, что золото в Японии было дешевле (в расчете на серебро), чем на Западе, иностранные капиталисты стали выкачивать из страны золото, ввозя в больших количествах серебро. Начался спекулятивный рост цен: с 1859 по 1867 г. цена коку риса на юге (Кюсю) выросла со 122 до 1475 моммэ серебра¹⁹.

Экономический кризис в стране резко усилился. Значительно ухудшилось положение трудящихся в деревне и городе, что привело в 60-е годы к бурному росту волнений, направленных в значительной мере против иностранных колонизаторов и имевших в силу этого национально-освободительный характер.

Таково было экономическое положение Японии накануне событий 1867—1868 гг.

Возникает вопрос, была ли в эти годы феодальная Япония по состоянию своей экономики «подготовлена» к буржуазной революции. Как мы видели, к середине XIX в. она была экономически отсталой по сравнению со странами Ев-

¹⁷ В 1854—1867 гг. было создано 111 мануфактур, преимущественно в легкой промышленности. Кроме того, в 1867 г. насчитывалось 53 судостроительных, военных и металлургических предприятия, построенных главным образом после 1853 г.; часть из них имела фабрично-заводской характер. Таким образом, в эти годы происходит еще больший рост мануфактурного и частично фабрично-заводского производства, чем в первой половине XIX в.

¹⁸ Хориэ Хидэити [Horiye Hideichi, *Revolution and reform in the Meiji Restoration* («Kyoto university economic review», 1952, April, p. 23—35)] приводит следующие факты: в 1859 г., т. е. в тот год, когда только началась торговля с заграницей, 20 тыс. ткачей города Кирю направились прямо к регенту Ии Наоскэ с заявлением, что они нападут на торговцев шелком, которые продают их шелк в порт Иокогама на вывоз; в 1866 г. ткачи из Титибу (близ Эдо) напали на дома и склады торговцев, вывозивших шелк-сырец за границу.

¹⁹ «Очерки по истории японской культуры», т. 11, стр. 90; см. также таблицу цен на рис за токугавский период в кн.: 地方史研究必携, 東京, 1956, 157—159頁 (далее — «Справочник по изучению местной истории»). — Моммэ = 3,75 г.

ропы и США. Было бы, однако, неправильно утверждать, что в Японии в этот период еще не созрели экономические предпосылки для буржуазной революции. Известно, что в Европе происходили буржуазные революции (крестьянская война XVI в. в Германии, нидерландская и английская революция XVII в.) в ранний, мануфактурный период капитализма. Экономический уровень развития некоторых европейских стран, например Англии, несмотря на значительно большее развитие внешнеторговых связей, был в общем не выше, если не ниже, чем в Японии в середине XIX в.²⁰.

Следует, однако, признать, что сравнительно низкий уровень экономического развития Японии создавал для революции суженную базу и предопределял ее незавершенность, половинчатость.

РАССТАНОВКА КЛАССОВЫХ СИЛ В ЯПОНИИ К СЕРЕДИНЕ XIX в.

Установленное Токугава в начале XVII в. деление населения страны на четыре сословия (самураи, крестьяне, ремесленники, торговцы) на протяжении двух с половиной веков оказалось существенно поколебленным.

Еще при установлении этого деления каждое из сословий включало в себя весьма разнородные элементы. Так, например, в крестьянское сословие наряду с безземельными входили и крестьяне, имевшие мелкие земельные наделы, и крестьянская верхушка со значительными наделами.

В дворянское сословие входили не только даймё и высшие самураи (хатамото, гокэнин), располагавшие крупными земельными владениями или же получавшие большие рисовые пайки (в год 500—1000 коку и более), но и асигару, соцу и другие низкоранговые самураи, рисовый паек которых определялся максимум в 1,8 коку в год²¹.

²⁰ Вопрос этот требует, конечно, специального изучения. Упомянем лишь, что в наиболее передовом шерстяном производстве тогдашней Англии, как указывается в исследовании «Английская буржуазная революция XVII века», под ред. Е. А. Косминского, т. I, М., 1954, стр. 48 и след., работало многочисленное деревенское население. Оно было занято главным образом в децентрализованной (рассеянной) мануфактуре. Аналогичное положение наблюдалось в хлопчатобумажном производстве. В этом исследовании не приводится данных о наличии в Англии накануне буржуазной революции сколько-нибудь значительного числа предприятий централизованной мануфактуры, тогда как в Японии в середине XIX в. таких предприятий было немало.

²¹ M. Rammig, *Die Wirtschaftliche Lage der Samurai am Ende der Tokugawa Periode*, Tokyo, 1928, S. 9.

В дальнейшем наряду с усилившимся с каждым годом дифференциацией внутри каждого сословия происходили процессы разрушения сословных перегородок. Переход из одного сословия в другое принял широкие масштабы уже в XVIII в. Купцы добивались усыновления их самураями или просто покупали самурайское звание; самураи, особенно низшие, и ронины становились людьми свободных профессий — учителями, врачами и т. д. и по существу теряли связь с дворянским сословием. Многие из них делались ремесленниками, мелкими торговцами, иные даже работали в клановых и других мануфактурах, а их жены работали на дому в качестве прядильщиц и ткачих²². Таким образом, часть самураев превратилась в мелких буржуа, их интересы все теснее связывались с интересами буржуазии.

Крестьяне-богатеи одновременно с земледелием занимались торговыми и ростовщиками операциями. «Паразитические помещики» весьма часто становились промышленными предпринимателями, организаторами мануфактур. Горожане-торговцы и ростовщики нередко делались помещиками²³. Крестьяне, бежавшие в город, превращались либо в ремесленников, либо в чёрнорабочих, носильщиков, грузчиков и т. д.

Положение японской буржуазии было весьма своеобразно. Промышленная буржуазия была слаба вследствие экономической отсталости страны и низкого уровня развития капиталистического производства. Торгово-ростовщическая буржуазия была еще тесно связана с феодалами и феодальным землевладением. Высший слой этой буржуазии — крупные торгово-ростовщические дома Мицуи, Коноикэ и другие — пользовался особым покровительством и получал большие привилегии от сёгуната, а на местах — от даймё. Эти привилегированные купцы (гоёсёнин) были нужны высшей знать как банкиры, менялы и руководители ее крупных коммер-

²² 潑本成一, 日本經濟史, 東京, 1928, 217-218頁. — Даймё старались улучшить материальное положение самураев, принимая их на работу в свои клановые предприятия. «По мере обеднения самураев и вследствие того, что низшие самураи работали в качестве ремесленников на дому, призамковые города стали специализироваться на производстве определенных изделий: в Ионэдзава выделывали кисти, в Нагато — зонтики, в Набэсима — шляпы, в Акидзуки — коробочки (для лекарств. — А. Г.), в Кокура — плащи, в Кано — зонтики, в Фукун обрабатывали трёхгангов, в Нагоя изготавливали различные мелкие изделия и т. д. Все это делалось в различных районах для приспания побочной работы низшим самураям» (豊田武, 日本の封建都市, 東京, 1954, 288頁).

²³ Для этой категории лиц, которые одновременно были помещиками, ростовщиками, торговцами и промышленными предпринимателями, в японской литературе принято наименование «сомо».

ческих предприятий — торговых и заготовительных монополий, горных рудников, клановых мануфактур и т. д.

Однако классовые интересы этих слоев буржуазии остро сталкивались с интересами феодалов, и противоречия между ними нарастили, поскольку буржуазии по закону не были гарантированы ни свобода предпринимательской деятельности, ни неприкосновенность жизни и имущества, ни политические права. Кроме того, буржуазия была заинтересована в уничтожении феодальной раздробленности, препятствовавшей ее промышленной и торговой деятельности.

Феодалы и связанные с ними верхушечные слои торго-ростовщической буржуазии боялись народного движения, которое грозило перерасти в народную революцию. Ярче всего эта боязнь проявилась в те годы, когда Япония была вынуждена под угрозой американских пушек открыть свои двери и заключить с иностранными державами кабальные договоры. Иноуэ Киёси в своем труде о японском милитаризме²⁴ очень много пишет о страхе, который испытывали феодальное правительство и самурайство перед нараставшим крестьянским движением, и убедительно показывает, что беспомощность японской политики перед иностранной интервенцией в значительной мере объяснялась страхом правящих кругов перед движением народных масс, опасением вооружить их для сопротивления иностранцам. Член правительства (родзю) Абэ Масахиро прямо заявил, что он «больше боится восстания внутри страны, чем иностранного вторжения»²⁵. Отсюда колеблющаяся позиция крупной привилегированной буржуазии в той гражданской войне, которая происходила в Японии в 60-х годах прошлого века. Представители торго-ростовщической буржуазии были как среди защитников сёгуната, так и в оппозиционных ему войсках; многие из них переходили с одной стороны на другую (Мицуи, Сибулзава).

Наряду с немногочисленной привилегированной буржуазией существовала весьма многочисленная средняя и мелкая городская и сельская буржуазия. В ее составе, как уже говорилось, было много выходцев из средних и особенно низших дворян и отчасти из крестьянской верхушки. Буржуазная интеллигенция состояла по преимуществу (хотя не исключительно) из представителей самурайства. Несомненно, эти слои буржуазии противопоставляли свои интересы дворянству, классу феодалов. Это видно хотя бы из довольно распространенного в городах учения «моральной школы»

²⁴ 井上清, 日本の軍國主義, 第一卷, 東京, 1954 (далее — Иноуэ Киёси, Японский милитаризм).

²⁵ Там же, стр. 41.

(сингаку), или «школы горожан» (тёнингаку). Последователи этого учения превозносили «рыцарей денежного мешка» и противопоставляли их «рыцарям меча», которых всячески высмеивали.

Конечно, и эти слои буржуазии чрезвычайно боялись выступлений крестьянства и городской бедноты, которые боролись не только против феодалов и их чиновников, но и против торговцев и ростовщиков. Страх перед народным движением способствовал в дальнейшем созданию умеренно радикального помещичье-буржуазного блока, определившего полувинчатость и незавершенность революции. Однако боязнь перед народным движением не могла приостановить борьбу обуржуазившейся части дворянства и самой буржуазии против сёгуната Токугава, олицетворявшего собой старые феодальные порядки.

Низшие и средние слои самурайства, материальное положение которых неуклонно ухудшалось, считали главными виновниками своего тяжелого положения сёгунат и даймё и весь существующий государственный строй. Рисовые пайки, получение которых они рассматривали как свою незыблемую феодальную привилегию, стали значительно снижаться сёгуном и даймё, и это вызывало особенное недовольство самураев. Уменьшение рисовых пайков усилило зависимость дворянства от ростовщиков, которым оно закладывало эти пайки. Возможность получения самураями каких-либо других доходов ограничивалась правительенным запрещением дворянам заниматься иной профессией, кроме военной, и угрозой потери дворянского звания в случае нарушения этого запрета.

Сравнительно небольшое количество дворян-помещиков (около 50 тыс. из 350—400 тыс. всех самураев), так называемые госи, судя по разрозненным сведениям, которыми мы располагаем, очевидно, приближались по своим интересам к категории «новых помещиков».

Развитие социального слоя «новых помещиков», равно как и средней и мелкой буржуазии, а также небольшой группы самостоятельных промышленников было ограничено всей системой крупного феодального землевладения и всякого рода регламентациями, установленными токугавскими властями. Крестьяне-богатеи и «новые помещики» не хотели делиться с феодалами своей долей в эксплуатации крестьян²⁶. Торговцы и промышленники были стеснены в своей предприниматель-

²⁶ В упомянутой выше статье (Ногиуе Хидэичи, *Revolution and reform in the Meiji Restoration*) Хориэ Хидэити дает вполне определенную оценку этой оппозиционной Токугава группировки, как состоящей в основном из низшего самурайства и крестьян-богатеев; оба эти весьма многочисленные слои населения были враждебно настроены против

ской деятельности цеховыми организациями, прикреплением крестьян к земле, раздробленностью страны, таможенными барьерами между княжествами.

Все эти обстоятельства предопределили чрезвычайное недовольство рядового дворянства, торгово-промышленной и отчасти ростовщической буржуазии существующим строем и их стремление к его изменению.

Однако решающую роль в расшатывании, подрыве всего феодального строя и, в конечном счете, в его ликвидации сыграли не эти помещичье-буржуазные элементы, а крестьянские массы и городской плебс, больше всего страдавшие от чудовищного гнета феодалов и наиболее решительно боровшиеся против токугавского режима.

КРЕСТЬЯНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ И ДВИЖЕНИЕ ГОРОДСКИХ НИЗОВ

Как известно, в Японии в XVII—XIX вв. не было общекрестьянского восстания, наподобие восстания Степана Разина или Емельяна Пугачева в России, тайпинского восстания в Китае или восстания крестьян-тонхаков в Корее. Это давало основание некоторым японским и западным авторам говорить о слабости сопротивления японского крестьянства по сравнению с крестьянским движением в других феодальных странах. Тот факт, что крестьянское движение в Японии не вылилось во всеобщее восстание, объясняется в известной мере феодальной раздробленностью страны. Однако наставшее из десятилетия в десятилетие количество крестьянских восстаний, неуклонно увеличивавшаяся сила сопротивления крестьян, рост числа участников антифеодальных выступлений, усилившийся контакт движения деревни и города — все это оказалось не менее действенным, чем общенародное всеяпонское восстание.

До сего времени общее число крестьянских и городских выступлений за два с половиной столетия господства феодального дома Токугава окончательно не установлено. Японские демократические историки называют сейчас цифру — свыше 1500 выступлений, однако они открывают все новые и новые, до сего времени не известные события в истории этого

господства крупных феодалов. В подтверждение автор приводит данные о социальном составе 1070 человек, которым посмертно (после 1868 г.) были присвоены различные почетные ранги за участие в борьбе против Токугава. Среди них было 676 самураев, 62 госи и ронина, 107 крестьян (в том числе 74 старосты и помещика), 60 торговцев и ремесленников и 163 прочих (врачей, священнослужителей и др.).

движения. Суммированные данные, с распределением по годам и районам, имеются лишь о 1240 крестьянских и городских выступлениях²⁷.

На XVII в. (1603—1702 гг.) приходится 188 выступлений, на XVIII в. (1703—1801 гг.) — 514, на 67 лет XIX в.— 538. Быстрый рост конфликтов в деревне и городе связан с резким ухудшением положения крестьянства вследствие роста налогообложения, развития товарно-денежных отношений, усиления расслоения в деревне и кризиса сельского хозяйства.

Обычно в исторической литературе указывалось, что в период Токугава протест японского крестьянства выражался в трех формах: в петиционном движении (преимущественно в XVII в.), в массовом бегстве и в восстаниях. Кокусё Ивао перечисляет следующие формы протesta: 1) жалоба, 2) петиция-просьба, 3) петиция, врученная насильственно в присутствии большого числа крестьян, 4) волнения, 5) бегство, 6) восстание, 7) утиковаси — восстание городских низов, 8) бунт.

Причины крестьянских выступлений и требования крестьян были очень различны. В большинстве случаев протест вызывали тяжелый оброк, введение новых налогов, непосильное налогообложение, особенно в период неурожаев, трудовая повинность, в частности гужевая (сукэго)²⁸, злоупотребления должностных лиц, старост и т. д. Отсюда и требования крестьян: отменить новые поборы²⁹, снизить старые, сменить чиновников, старост и т. д.

²⁷ Хроникальные данные о 1240 восстаниях (см. приложение в конце книги «Хроника крестьянских выступлений в период Токугава») были опубликованы в 1937 г. японским историком Кокусё Ивао в журнале «Кэйдзай си жэнкю» (經濟史研究), 1937, т. 17, № 3. — Эти данные воспроизведены в «Сборнике материалов по истории Японии» (日本史料集成, 東京, 1955, 439—460頁) в 1956 г., что свидетельствует об отсутствии других сводных данных по этому вопросу в японской литературе. Почти все японские работы о народных движениях в токугавский период исходят из этих суммированных данных, дополняя их новыми сведениями по отдельным восстаниям.

Несколько раньше, чем Кокусё Ивао, опубликовал данные о 1200 с лишним народных выступлениях японский историк Нумадзаки Хидэноскэ, материалы которого использовал Бортон (см.: H. Bolton, *Peasant uprisings in Japan of the Tokugawa period*, Leiden, 1936).

²⁸ «Справочник по изучению местной истории», стр. 169—171.— По данным «Справочника...», в Японии было пять главных дорог (Токайдо, Тосандо, Никкодотю, Косюдотю и Осюдотю), на которых насчитывалось 184 почтовых станции. К каждой из этих станций для обслуживания проезжающих (знати, чиновников и т. д.) прикреплялось определенное количество крестьян со своими лошадьми.

²⁹ Основной налог (нэнгу) составлял 60% урожая, снятого крестьянином. Кроме того, было много других дополнительных налогов и поборов, которые взимались с крестьян по всей стране (см: «Справочник по изучению местной истории», стр. 151).

Тяжесть налогов и злоупотребления должностных лиц были наиболее частыми причинами крестьянских выступлений на протяжении всего токугавского периода. В XVIII в. и первой половине XIX в. в связи с усилившимися процессами расслоения крестьянства и ростом экономического влияния торгово-ростовщического капитала в деревне многие выступления крестьянства были направлены непосредственно против крестьян-богатеев, торговцев и ростовщиков и сопровождались разгромом их домов и складов. Большое количество восстаний было вызвано спекулятивным повышением торговцами цен на рис, ибо беднейшее и среднее крестьянство было вынуждено покупать его, чтобы просуществовать. Почти все городские восстания возникали по той же причине. Часто они так и назывались рисовыми бунтами (комэ-содо) ³⁰.

Было, конечно, множество других причин, вызывавших недовольство крестьян.

В таблице Кокусё Ивао приведены сводные данные о количестве выступлений по каждой из провинций феодальной Японии на протяжении всего токугавского периода. Эти данные позволяют сделать вывод о чрезвычайной неравномерности крестьянского движения в разных районах страны. В некоторых провинциях, главным образом на юге и юго-западе страны, количество крестьянских выступлений за весь токугавский период ничтожно. Встречаются провинции, где было одно-три выступления (Сацума, Осуми и др.). На другие же провинции, главным образом северные (Этиго, Синано, Рикютю и др.), падает по 40, 50, 60 и более выступлений.

Причины столь большой разницы в уровне крестьянского движения в разных районах страны нам пока неясны.

Говоря о таблице, опубликованной Кокусё Ивао более 20 лет назад и являющейся по сей день единственной общей сводкой крестьянских и городских выступлений в феодальной Японии, следует отметить некоторые ее недочеты. Таблица, как сейчас уже совершенно ясно, не учитывает всех крестьянских и городских выступлений за рассматриваемый период. Так, например, в ней не названы некоторые крестьянские вы-

³⁰ Данные о городских выступлениях приведены, как уже говорилось, в таблице Кокусё Ивао. Однако в нее включены далеко не все городские выступления. Более подробные данные о них собраны Харада Томохико, автором работы по истории японского города [原田伴彦, 日本封建都市研究 東京, 1957, 504-505頁] (далее — Харада Томохико, *Феодальные города Японии*). Эти данные, составленные по тому же образцу, что и таблица Кокусё Ивао, учитывают 170 городских выступлений в период 1713—1867 гг. В подавляющем большинстве это рисовые бунты, вызванные спекулятивным повышением цен в связи с плохим урожаем или по другим поводам.

ступления в провинциях, расположенных близ трех крупных городов — Осака, Эдо, Киото, т. е. в районах, экономически наиболее развитых, где на крестьян неизбежно должны были оказывать влияние городские движения. Известно, что в 1823 г. в трех провинциях: Сэтцу, Кавати и Идзууми (район Осака), произошло крупнейшее выступление крестьян, охватившее 1007 деревень, в связи с искусственным снижением торговцами цен на закупаемый хлопок. Однако оно не попало в таблицу Кокусё Ивао.

Далеко не полностью учтены в таблице выступления арендаторов (косаку-икки), которые начались в первой половине XVIII в. и приняли особенно широкие размеры к концу существования сёгуната³¹.

Переходя от количественного учета различных категорий народных выступлений к оценке их по политическому уровню, прежде всего по характеру требований крестьян, надо сказать, что и в этом вопросе сводные данные, приведенные Кокусё Ивао, отстали от современного уровня изучения народных движений японскими историками.

Согласно данным таблицы, требования крестьян касались лишь частных, хотя и весьма существенных сторон их жизни: отмены или снижения тяжелых налогов, смены того или иного должностного лица и т. д. Между тем в послевоенные годы в японской исторической литературе появились описания некоторых крестьянских и городских восстаний, происходивших под лозунгом «Ё наоси!», что в дословном переводе означает «исправление жизни», «улучшение жизни». Лозунг «Ё наоси!», как можно судить по крайне неполным описаниям этих восстаний, включал требования, характерные для крестьянского движения на высшем этапе его развития в период феодализма: уравнительное землепользование, народные выборы должностных лиц, а в дальнейшем даже уничтожение феодальных прав и т. д.³² Японские авторы, изучая хроники по отдельным провинциям, уездам и деревням, стали выделять восстания под названием «ё наоси икки», как специфическую форму крестьянского движения, свидетельствующую о значительном повышении политического самосознания крестьянства.

По мнению Сёдзи Ёсиносэ, движение «ё наоси» началось в 1865 г.³³ Однако некоторые историки относят его начало к

³¹ 日本經濟史辭典, 東京, 1956, 557—558頁.— В таблице Кокусё Ивао восстания арендаторов единичны.

³² Сёдзи Ёсиносэ, Экономическая структура в период преобразозависимий Мэйдзи, стр. 211—214.

³³ Там же, стр. 211—212

значительно более раннему времени, например Иноуэ Киёси — к XVIII в.³⁴

Китадзима Масамото и другие японские авторы датируют зарождение «ё наоси икки» 30—40-ми годами XIX в. Они намечают следующие периоды крестьянского и городского движения³⁵.

В первый период (судя по контексту, XVII — первая половина XVIII в.) крестьянские выступления против феодалов охватывали только одну или несколько деревень³⁶. Во второй период (с середины XVIII в. примерно до 30—40-х годов XIX в.) восстания часто охватывали уже целые княжества и сотни тысяч крестьян, как, например, восстания в Курумэ в 1754 г. (участвовало 200 тыс. крестьян), в провинции Хюга в 1759 г. и в северной части района Канто в 1764 г. По мнению Китадзима Масамото, «ё наоси икки», возникшие в 30—40-х годах XIX в., отличаются от восстаний как XVII, так и XVIII в. прежде всего тем, что в «ё наоси икки» выступает среднее и бедное крестьянство часто совместно с горожанами. Борясь против даймё, крестьяне одновременно выступают против связанных с даймё ростовщиков, против богатых крестьян и богатых торговцев, превращающихся в «паразитических помещиков». «Ё наоси икки» в период Бакумаку³⁷ направлены не только против сёгуната и даймё, но и против всего феодального строя в целом. Из движения «ё наоси», по словам Китадзима Масамото, в 80-х годах XIX в. возникает «движение за свободу и народные права» («дзию минкэн ундо»)³⁸.

Таким образом, современное освещение в японской литературе крестьянского движения в разные периоды токугавского правления существенно отличается от прежнего. Ранее отмечались главным образом стихийность, раздробленность

³⁴ Иноуэ Киёси, Японский милитаризм, т. I, стр. 6—7.— Примерно к этому же времени относит начало движения «ё наоси» и Харада Томохико.

³⁵ «Очерки по истории японской культуры», т. 10, стр. 77, 122, 159, 165.— На стр. 165 подзаголовок: «Проявление уладка феодального общества в движении «ё наоси»».

³⁶ Это, конечно, не совсем точно; в XVII в. некоторые крестьянские выступления охватывали несколько десятков и больше деревень, как, например, выступления под руководством народных героев (гимин) Сакура Согоро (1652), Модзаэмона (1686) и др. [см. статьи: Г. И. Подпалова, Два петиционных выступления крестьян в феодальной Японии (из истории крестьянского движения в начале XVIII в.) («Ученые записки Института востоковедения», т. XV, М., 1956); А. Л. Гальперин, Очерки истории Японии в период 1640—1700 гг. (там же)].

³⁷ Бакумаку — период конца правления бакуфу (сёгунского правительства), который чаще всего относят к 50—60-м годам XIX в.

³⁸ «Очерки по истории японской культуры», т. 10, стр. 165—167.

крестьянского движения наряду с его быстрым количественным ростом, теперь же указываются новые черты: повышение сознательности крестьян, изменение характера требований.

Конечно, в изучении движения «ё наоси» сделаны лишь первые шаги. То, что нам сейчас известно об этом движении, не дает еще основания говорить о повсеместном его распространении или о том, что оно охватило большинство японского крестьянства. Но все же движение «ё наоси» свидетельствует о значительно большей роли крестьянства, чем это считалось ранее, в революционных событиях 60-х годов XIX в.

Далеко не достаточно изучены материалы по движению городских низов, а также горнорабочих, в частности на рудниках Икуно (провинция Тадзима) и на острове Садо. Харада Томохико отмечает слабую изученность этого вопроса. Он указывает, в частности, что до войны шли споры между японскими историками, главным образом между Хани Горо и Хаттори Сисо, о роли движения городской бедноты в общенародном антифеодальном движении. Хани считал, что в движении городской бедноты участвовал предпролетариат, что это была революционная борьба горожан. Хаттори отмечал участие рабочих в городском движении, но не признавал за ним самостоятельной роли, считая, что главное значение в антифеодальном движении имела крестьянская борьба. В последнее время с новой оценкой восстаний городской бедноты выступил Тояма Сигэки, который утверждал, что высшего подъема народное движение достигло в бунтах, происходивших в крупных городах, и что эти бунты в период Бакумацу оказывали решающее влияние на борьбу крестьян. Однако точка зрения Тояма Сигэки встречает серьезные возражения со стороны других японских историков, в частности Окамото Рёити³⁹.

Мы полагаем, что, несмотря на большое значение крупных городских восстаний, как, например, 1837 г. в Осака под руководством Осио Хэйхатиро и во многих городах в 1866 г., главной, решающей силой, систематически подрывавшей устои феодального общества, были все же не они, а крестьянские восстания, нараставшие из года в год почти по всей стране.

Японские феодалы всегда боялись крестьянского движения — даже тогда, когда оно было еще сравнительно слабым. Об этом свидетельствуют указы, изданные сёгунатом в 1721 и 1741 гг., а также реформы, проведенные в периоды Кёхо (1716—1735), Кансэй (1789—1800) и Тэмпо (1830—1843).

³⁹ 原田伴彦, 近世都市騒擾覽書(經濟學雜誌, 第二十四卷, 第一號, 1—3頁).

Целью всех этих указов и реформ было усиление позиции самураев посредством полного или частичного освобождения их от кабальной задолженности торгово-ростовщическому капиталу и восстановление самурайства как военного сословия, необходимого для подавления крестьянских восстаний.

Пресловутая борьба с роскошью, с упадком нравов, о чем упоминается почти во всех законодательных актах токугавского правительства, представляла собой по существу не что иное, как бесплодную попытку приостановить упадок и разложение дворянства, без чего нельзя было обезопасить существующий строй от крестьянских восстаний. Все эти реформы, призванные укрепить феодальный строй по преимуществу административными мерами, носили реакционный характер и в конечном итоге оказались безрезультатными. Разложение феодализма продолжалось, и никакие реформы не могли его предотвратить⁴⁰.

РАСКОЛ В ПРАВЯЩЕМ ЛАГЕРЕ И ВОЗНИКНОВЕНИЕ РЕВОЛЮЦИОННОЙ СИТУАЦИИ

Крестьянские восстания сами по себе, не будучи возглавлены ни буржуазией, ни пролетариатом (он еще не сложился как класс), не могли, конечно, привести к ликвидации феодализма и к установлению нового, более прогрессивного экономического и политического строя. Для этого нужен был глубокий кризис в правящем феодальном лагере (кризис верхов), который и наступил в 60-х годах XIX в.

Этот кризис назревал уже давно. В частности, о его приближении можно было судить и по оппозиционным идеологическим течениям, возникшим среди самурайства еще в XVIII в. и направленным против официальной конфуцианской идеологии сёгуната (школы вагакуся⁴¹ и рангакуся⁴²).

⁴⁰ Некоторые японские историки часто ставят в один ряд реформы Кёхо, Кансэй, Тэмпо, с одной стороны, и реформы Мэйдзи — с другой. Правильно указывая, что и те и другие реформы были вызваны подъемом народного движения, они, однако, недостаточно подчеркивают коренное различие между ними. В то время как реформы первых трех периодов имели реакционный характер, реформы начального периода Мэйдзи (1868—1873), несмотря на их ограниченность, несомненно, были прогрессивными, поскольку они способствовали установлению нового, прогрессивного капиталистического строя.

⁴¹ Вагакуся — последователи вагаку («японской науки», «отечественной науки»), националистического движения, принявшего широкие размеры в конце XVIII—XIX вв. (до 1868 г.).

⁴² Рангакуся — «голландоведы», учёные школы рангаку, изучавшие медицину, астрономию и некоторые другие науки по европейским (главным образом голландским) книгам; приверженцы прекращения изоляции Японии.

В первой половине XIX в., еще до открытия страны, на- зрел раскол в правящем лагере. Этот раскол особенно явно обозначился в годы Тэмпо (1830—1843). Рост восстаний крестьян и городских низов в этот период вызвал беспокойство не только в правительстве сёгуната, но и в кругах самурайства и связанной с ним крупной торгово-ростовщической буржуазии.

Правительство попыталось провести ликвидацию монопольных гильдий купцов (кабунакама), чтобы приостановить спекулятивный рост цен на рис и тем самым предотвратить дальнейший подъем движения крестьян и городского плебса.

Однако это мероприятие правительства вызвало настолько серьезное сопротивление торгово-ростовщической буржуазии, что правительству пришлось вскоре от него отказаться⁴³. Как ни рассматривать существование реформ годов Тэмпо (по этому поводу тоже идут споры в японской исторической литературе), они способствовали усилению раскола в феодальном правящем лагере. В некоторых княжествах, в частности в Тёсю, дело дошло до формирования военных отрядов оппозиционных кругов.

Явная неудача правительственные реформ, неспособность сёгуната пресечь нарастающее народное движение, недовольство низших слоев дворянства и буржуазии политикой правительства привели к тому, что в отдельных княжествах стали создаваться группы реформаторов (кайкакуха), настаивавших на проведении местных реформ.

Интервенция западных держав в 50—60-х годах XIX в., обострив все противоречия в японском феодальном обществе, значительно усилила раскол в правящем лагере. Оппозиционные круги стали обвинять сёгунат в допуске в страну иностранцев. Антииностранные выступления самурайства после открытия страны приобрели некоторые черты национально-освободительного движения.

В этот период образовалась сильная оппозиционная группировка (тобакуха) из самурайских и буржуазных слоев населения, выступившая с лозунгами свержения Токугава.

Во многих княжествах (Тёсю, Сацума и др.) сформировались оппозиционные правительству войска. Началась гражданская война. Именно этот кризис верхов при наличии бурного подъема народного движения дает нам возможность констатировать в Японии в 60-х годах наличие революцион-

⁴³ См.: Mataji Miyamoto, *La décadence des Kabi Nakata du temps des Tokugawa et la Révolution Meiji* («Revue historique», 1956, Octobre—Decembre).

ной ситуации, приведшей в 1867—1868 гг. к падению феодального строя в лице сёгуната Токугава.

В заключение мы остановимся еще на одном доводе некоторых японских историков в пользу того положения, что события 1867—1868 гг. не являлись революционными. Этот довод сводится к тому, что после наивысшего подъема народного движения в 1866 г. якобы наметился его спад. Японские историки пишут, что во второй половине 1867 г. на смену революционному движению народных масс пришло другое, носящее религиозный характер и известное как движение под лозунгом «Ээ дзя най ка?». В падении цен на рис, пишут они, народ увидел проявление «божественной благодати». В Нагоя, Эдо, Осака и других городах Японии массы выражали свою радость и благодарность небесным силам в ритуальных экстатических шествиях и плясках. Это движение, по словам японских историков, достигло наибольшего размаха как раз в тот момент, когда самурайско-буржуазная оппозиция была уже близка к свержению сёгуната и переходу власти в руки императора. Отсюда они делают вывод, что свержение сёгуната произошло не на подъеме, а, наоборот, во время спада народной борьбы, когда движение «ё наоси» сменилось безобидными религиозными выступлениями.

Однако этот довод японских историков несостоятелен. Во-первых, если даже признать, что в течение нескольких месяцев второй половины 1867 г. народное движение несколько спало, то это никак не могло отразиться на дальнейшем ходе исторического развития. Далеко зашедший процесс разложения феодализма, неуклонный рост капиталистических отношений и усилившаяся раскол в господствующем лагере неизбежно привели бы к падению сёгуната и смене власти, даже если бы движение по каким-либо причинам и затихло на короткий срок. А во-вторых,— и это главное,— дошедшие до нас немногочисленные сведения о движении «Ээ дзя най ка?» вовсе не свидетельствуют о его классовой «безобидности». Если отвлечься от его религиозного покрова, это движение очень походило на обычные выступления городских низов.

Советские историки считают, что события 1867—1868 гг. имели революционный характер, а именно характер незаконченной буржуазной революции. Во время этих событий власть от крупных феодалов, защищавших феодальный строй, перешла к новым элементам, которые, несмотря на свою принадлежность к самурайскому сословию, защищали интересы нового капиталистического класса, опирались на крупную буржуазию и вскоре после прихода к власти провели ряд реформ явно буржуазного характера. Среди этих реформ в первую

очередь надо отметить аграрную, которая установила в основном буржуазные формы земельной собственности.

Революция 1868 г. оказалась незавершенной, половинчатой. Но, несмотря на то что после нее сохранились значительные феодальные пережитки, господствующими стали капиталистические отношения.